

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются процессы метафорического моделирования лингвистического научного дискурса; анализируются модели, функционирующие на различных уровнях: текстовом, парадигмальном, дискурсивном.

Ключевые слова: научный дискурс; лингвокогнитивное моделирование; метафорическая модель; парадигмальная модель.

Представляется необходимым рассмотреть специфику научного дискурса как единого коммуникативно-когнитивного пространства, обладающего определенными свойствами.

Рассмотрение науки как целостной сферы особого рода коммуникаций предлагает Т. Кун, говоря о высокой значимости в этой области человеческих взаимодействий и, соответственно, человеческих коммуникативно-когнитивных стратегий и ограничений [1. С. 258]. Развитие науки, по мнению исследователя, носит не строго последовательный и рациональный характер: в феномене научных революций значительную роль играют формы иррационального мышления. Это проявляется в том, что новая парадигмальная модель представления научного объекта носит образный характер и направляет способы действия с объектом и возникновение определенных методик его исследования.

В качестве примера приводится факт из истории электрофизики: именно представление об электричестве как жидкости (электрический *ток*) привело к появлению особого оборудования: «Непосредственным результатом их усилий стало создание *лейденской банки*, прибора, который никогда не сделал бы человек, исследующий природу вслепую или наугад, и который был создан по крайней мере двумя исследователями в начале 40-х гг. XVIII в. фактически независимо друг от друга [1. С. 36].

Исследователь говорит также о специфике появления такой модели, описывая результат этого процесса как трансформацию прежней модели мира в научном сознании, к появлению в ней новых объектов и явлений и, в конечном итоге, к полной смене научной картины мира: «...изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете» [1. С. 145]. Объясняя это явление, Т. Кун апеллирует к общим когнитивным механизмам восприятия, основанным на предварительном визуально-концептуальном опыте.

Кроме названных параметров парадигмальной модели, важным представляется и то, что новая парадигма, будучи предъявленной, может быть принята определенным кругом ученых только на интуитивной основе, т.к. обычно она еще недостаточно разработана и охватывает лишь ограниченное число фактов. Т. Кун говорит о том, что в первичном представлении новая парадигма принимается на веру и уже позже начинается процесс поиска аргументов эмпирического и логического характера. Легитимизация новой парадигмальной модели, как правило, бывает связана с категорической переоценкой истории развития науки и результатов научных открытий. Т. Кун подводит читателя к выводу о том, что принятие определенной парадигмы равно для ученого формированию определенного мировоззрения и, в связи с этим, определенного языка: «...все,

чего могут достигнуть участники процесса ломки коммуникации, – это осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой...» [1. С. 254].

Всякая научная деятельность, таким образом, осуществляется одновременно как специфический когнитивный процесс осмысления действительности и научная коммуникация – целостная система коммуникативных актов, или дискурс. М. Фуко пишет о том, что в рамках определенного дискурса принимается тот и или иной способ коммуникативного действия, являющийся нормативным – «порядок дискурса» [2. С. 50–51]. Значимой чертой научного дискурса является то, что он отражает специфичную эпистемическую ситуацию – коммуникативные и когнитивные установки участников научной коммуникации. Эпистемические когнитивные установки коммуникантов тесно связаны с принципиальной ориентацией на получение нового знания на основе уже имеющегося, и в данном случае важную роль играют парадигмальные модели – системы научных пресуппозиций и установок, определяющих векторы развертывания научных исследований. Создавая новую эпистемическую структуру, коммуникант в рамках научного дискурса обязан вступать в диалогические отношения с уже имеющимися концепциями, теориями, идеями, представленными в других научных текстах. Диалогичность реализуется здесь в интертекстуальности: проявленной (прямая и косвенная цитация, терминологические связи, фоновые ссылки) и латентной (осмысление и трансформация общекультурных, общенаучных и парадигмальных моделей). При этом коммуникативные установки автора текста в рамках данного дискурса направлены в первую очередь на максимально полное эксплицирование информации, ее развернутость. Автор всегда занимает в тексте позицию профессионала, предлагающего и разъясняющего другому профессионалу новую модель объекта.

Следствием данной эпистемической ситуации является формирование специфической подсистемы языковых средств, обслуживающих данный дискурс (или научный стиль речи). Эта подсистема была выявлена в рамках функционально-стилистического направления и получила достаточно детальное освещение в работах отечественных лингвистов: история развития (С.О. Глушакова, М.Н. Кожина), сопоставительный аспект (О.Б. Сиротинина, М.Н. Кожина), жанровая типология (Е.С. Троянская), проблемы экспрессивности (Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина), проблемы коммуникативной организации (М.Н. Кожина, Н.А. Красавцева и др.). В работах этих исследователей были выявлены такие языковые особенности научного стиля, как точность, логичность, абстрактность, обобщенность, нейтральность, объективность, «а также сфокусированная коммуникативная направленность на адресата,

т.е. диалогичность изложения» [3. С. 22]. Как правило, все исследователи отмечают также *сниженную экспрессивность* и *принципиальную установку на отсутствие образности*. Однако появляются работы, в которых система научных текстов рассматривается как особый вид дискурса, как поле метафорической деятельности особого типа (М.П. Котюрова, Е.А. Баженова, В.Е. Чернявская, Ю.С. Степанов, А.Е. Седов, З.И. Резанова и др.).

В работах последнего времени было выявлено такое свойство научного текста и научного дискурса, как стилистическая неравномерность, связанная с целым рядом причин: во-первых, с научной специализацией – научные дискурсы разных предметных областей обладают собственной стилистикой. Второй параметр, задающий стилистическую разноплановость, – жанровая спецификация текстов, связанная с видом представляемой информации и целью представления. Общеизвестно, что представление в рамках научно-информационного, научно-образовательного, научно-критического и научно-популярного жанров различается целым рядом вербальных параметров. В-третьих, полагаем, что можно говорить и о варьировании в представлении научной информации в зависимости от этапов введения новой модели видения объекта исследования. В работе В.Е. Чернявской отмечается: «Существенное значение имеет также широкое разделение различных типов текста в научной коммуникации по принципу первичности/вторичности, т.е. в зависимости от содержания сообщаемого научного знания» [3. С. 39].

Целостная система научных текстов может быть рассмотрена как описание определенной модели мира, отвечающей различным аспектам научного познания. Еще Б.Л. Уорф отмечал несоответствие между научной и «наивной» или обыденной картиной мира [4]. Однако в работах ученых-когнитивистов говорится о близости когнитивных моделей эпистемологии и «наивной» гносеологии. А.Н. Баранов пишет, например, что в основе структуры словарной (энциклопедической) статьи, содержащей описание значения лексической единицы или феномена, лежит «наивный» способ представления новой информации, он указывает на параллелизм онтологизации знания в языке и науке [5. С. 109].

Понятие «модель» имеет значительную историю в науке: появившись в математике в конце XIX в., оно было заимствовано в сферу гуманитарных и к настоящему времени приобрело статус общенаучного и даже общественного: слова «модель» и «моделирование» представлены в толковых словарях современного русского языка без помет, что свидетельствует об их общеупотребительности. В силу широкого распространения категория «модель» неоднородна и объединяет весьма различные семантические узлы: идеал, образец (модель платья, фотомодель), тип, марка (модель автомобиля), объект реальности, служащий для создания произведения искусства (модель для картины), схема, отражающая один аспект чего-либо (математическая модель физических процессов), объект-имитация (модель планера) и т.п. Полагаем, что прототипическое ядро этой категории может выглядеть следующим образом: объект, артефакт, служащий для имитации (или презентации) объектов реальности и отражающий не-

полный набор признаков реальных объектов. Из этого основополагающего свойства вытекает следующее: каждому объекту-оригиналу может соответствовать неограниченное множество моделей, связанных с определенными задачами (при этом реализация задачи также предполагает вариативность), и модель всегда лишь приблизительно соответствует оригиналу. С подобным пониманием тесно связано и понятие «моделирование», состоящее, во-первых, в создании *имитационных* моделей реально существующих предметов и явлений и, во-вторых, в построении *аналитических* моделей гипотетических объектов, которые не могут быть восприняты человеком в силу ограниченности видов восприятия (например, деление ядра атома) с целью прогнозирования их функциональных признаков. С развитием технологий появилась возможность создавать все более сложные аналитические модели, задавая при этом их визуальное воплощение, что привело к совмещению двух типов: аналитические модели стали выглядеть как имитационные. Кибернетика еще более ускорила этот процесс: возникло большее количество имитационных технологий, позволяющих визуализировать любые гипотетические объекты, ситуации, процессы. При этом качество имитации достигло столь высокого уровня, что модель вполне может конкурировать с образцом.

Проблемы кибернетического моделирования, необходимость воссоздать деятельность человеческого интеллекта в виде интеллекта искусственного заставили обратить более пристальное внимание на механизм работы человеческого сознания. Исследование процессов семиозиса, процессов восприятия и представления информации изменило взгляд на феномен имитации и прогнозирования, в связи с чем претерпело существенную трансформацию само понятие реальности, в частности, это непосредственно связано с осмыслением вариантов реальности, представленных в языке. Языковое моделирование начинает осознаваться как способ представления информации в сознании человека и способ ее передачи. В связи с этим в рамках семиотических концепций возникает и актуализируется проблема языкового отражения и воспроизведения реальности, решение которой привело, в конечном итоге, к возникновению когнитивистики – интегративного научного направления, исследующего организацию мышления человека.

В рамках когнитивной концепции происходит формирование нового осмысления понятия «модель». С одной стороны, понятие «модель» (или «когнитивная модель») обретает эпистемологический статус – обозначает аналитический научный конструкт, представляющий некоторую форму восприятия, мышления, способ хранения и передачи информации. С другой – этот конструкт претендует на статус онтологического, получая подтверждение прогнозируемых свойств и функций в наблюдениях за интеллектуальной деятельностью или экспериментально, а также на основе вхождения в отношения системности с другими подобными конструктами. Таким образом, он переходит из сугубо научных конструктов в более широкую область – в сферу ментальной деятельности человека вообще, переноса принцип ментального конструирования, рефлекс-

сируемого в сфере науки, на любую психическую и мыслительную деятельность человека. В данном случае можно говорить о моделировании как о представлении любым носителем языка модели ситуации, фрагмента мира чаще всего посредством языка как в индивидуальном сознании, так и в коллективном. В первом случае модель выступает в качестве объекта, во втором – в качестве инструмента. Исходя из двух основных видов ментальной деятельности, связанных с восприятием и ориентацией в мире, анализом и синтезом, можно разделить все модели на две основные группы.

Человек (равно как другие животные и даже насекомые) воспринимает мир синтетически, как некоторую целостность, гештальт. При этом одним из важных условий адаптации и выживания становится построение ментальной модели окружающей среды. На этом этапе актуальны различного рода *дифференцирующие*, или *идентифицирующие*, модели, позволяющие различить и идентифицировать объекты для категоризации мира и выстраивания иерархии. Мы полагаем, что к этому уровню могут быть отнесены описанные в когнитивистике модели восприятия, такие, например, как кинестетические образ-схемы М. Джонсона, понятие фигуры и фона, различные модели, отражающие уровень конкретизации и пространственное восприятие Л. Талми, ментальные модели Ф. Джонсон-Лэрда и фреймы Ч. Филлмора, а также модели более сложного типа, связанные с категоризацией, – концепты базового уровня, прототипические категории Э. Рош, идеализированные когнитивные модели Д. Лакоффа.

Следующий этап – синтезирование целостной виртуальной модели мира – уже недоступен сознанию животного и, по мнению многих исследователей, отличается человека. Данный этап связан с одной из генетических особенностей человеческой психики – коммуникативной потребностью. С ним связаны другие модели, создающие так называемые «возможные миры», или вторичные моделирующие системы. Мы условно назвали эту группу моделей *интегрирующими*, т.к. именно с их помощью осуществляется создание виртуальных миров и их совокупности – целостной картины мира, отличной, по нашему мнению, от модели мира, формируемой на первом этапе, в силу своей вариативности и неоднозначности. Как правило, эти модели более тесно связаны с языком и не могут быть полноценно реализованы вне языковой среды. К ним могут быть отнесены метафорические и метонимические модели, кластерные модели, концептуальные модели Д. Лакоффа, ментальные пространства Ж. Фоконье, сценарные фреймы ван Дейка, дискурсы.

Исследования в области языкового моделирования (в том числе и дискурсивного) (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, З.И. Резанова, А.Д. Плисецкая, А.Е. Седов и др.) показывают, что одной из базовых когнитивных моделей, участвующих в создании нового способа представления объекта, выступает метафора, понимаемая расширенно по отношению к традиционной лингвистической интерпретации. В рамках когнитивной концепции метафора представлена не только как языковой феномен, но как феномен когнитивный, психический. Наличие метафорических выражений в языке – это следствие существования метафорических

моделей в психической сфере человека. Концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений. По замечанию З.И. Резановой, «...в качестве интегральных признаков языковой метафоры признаются: а) выраженность языковыми средствами; б) двоякость смысла на основе аналогического (а иногда и на других основаниях) уподобления предметов, признаков, процессов с выходом за пределы естественных родов в логических классификациях» [6. С. 26]. Подобная модель получает широкие возможности языковой реализации: от традиционного лексико-семантического варьирования до модели, участвующей в выстраивании целостного текста или дискурса.

Вследствие этого метафорическое моделирование обладает особой спецификой, включающей следующие аспекты. Во-первых, это сочетание двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира, свойственное именно для механизма метафоризации: дискурсивно-логического и лингво-мифологического, [7. С. 38]. При метафоризации поиск нужного образа в уже имеющемся опыте происходит на интуитивной основе, бессознательно, но его «разработка» и адаптация к представлению модели объекта – уже на логической. Таким образом, метафорическая модель всегда поясняется *post factum*, после порождения.

Во-вторых, метафорическое именование всегда предполагает выбор единицы, представляющей признак, значимый для отображения свойств объекта, но при этом ассоциативные связи выстраивают исходный образ объекта или целостной ситуации. Таким образом, метафорическая модель входит в текст посредством ограниченного количества репрезентантов, содержа в свернутом виде потенциально бесконечное количество компонентов. Наличие значительного количества имплицитных компонентов, латентной информации ведет к тому, что метафорическая модель, будучи одновременно емкой и компактной, легко занимает позицию интертекстуального компонента. При этом происходят ее переструктурирование, позитивная переработка, актуализация незадействованных компонентов.

Еще одно важное свойство, органично вытекающее из вышеназванных, – интеракциональность метафорической модели. Эвристичность метафорической модели напрямую связана с гештально-фреймовой ее организацией. Фрейм, репрезентантами которого и выступают языковые единицы, создает схему, каркас образа, объединяющий коммуникантов, гештальт же является индивидуальным «наполнителем» данной схемы. Таким образом, метафорическая модель варьируется для автора и читателя текста и находится в зависимости от фоновых знаний коммуникантов, актуализируя сходные, но не идентичные когнитивные структуры. Метафорический образ характерен тем, что он по-разному организован для того, кто метафору порождает, и того, кто ее воспринимает: в основе метафоры лежит взаимодействие фреймов и гештальтов – общеязыкового и личного опыта коммуникантов. Метафорическая единица (контекст) актуализирует некоторые когнитивные

структуры, служащие толчком для разворачивания образа у слушающего, и это ведет к ее особой информационной емкости, эвристичности.

Проведенный анализ ряда лингвистических текстов позволяет говорить о нескольких основных видах метафорических моделей научного лингвистического дискурса, функционирующих на разных уровнях. Мы можем условно выделить три основных уровня функционирования метафорических моделей: 1) уровень текста; 2) уровень парадигмы (межтекстовой парадигмальной модели); 3) уровень дискурса (в нашем случае – научного лингвистического).

На уровне отдельного лингвистического текста можно говорить о следующих параметрах моделирования. Мы рассматриваем научный дискурс как ментальное пространство, конструируемое на основе переноса представлений о физических способах действия в сферу абстрактного. Это становится возможным благодаря использованию общезыковых метафорических моделей различных типов¹ (структурные, пространственные, онтологические). Общезыковые метафоры, специализирующиеся на оформлении научной деятельности и используемые в сфере науки значительно чаще, нежели другие, могут быть названы общенаучными. Как мы полагаем, такие метафорические модели являются общими почти для всех научных областей.

Во-первых, это онтологические метафоры, представляющие абстрактные сущности как **объект** или **вещество**: *формы нашей психической жизни, собирать и обобщать факты... большей части вопросов... никогда не касается ни физиолог, ни психолог...* М. Джонсон полагает, что в основе появления подобных метафор лежат более глубинные – кинестетические образ-схемы – «повторяющиеся динамические образцы наших процессов восприятия и наших моторных программ, которые придают связность и структуру нашему опыту» (цит. по [9. С. 347]). Подобные образцы осваиваются ребенком на доязыковом этапе развития мышления и позволяют структурировать на основе моторных представлений более сложные понятия.

Во-вторых, это метафора персонификации, еще одна онтологическая метафора, также основанная на фундаментально значимом разграничении – способности отличать живое от неживого: *...и только конкретная ситуация может дать tertium comparationis... Рядом с собиранием материала идут научные приемы... направление, ставящее себе задачей...* Данная метафорическая модель позволяет представить описываемые ученым процессы как объективно протекающие, независимые от исследователя, равные ему по самостоятельности и активности, работая, в конечном итоге, на эффект объективизации научного знания.

Третий блок метафорических моделей связан с восприятием и осмыслением категории пространства. Пространственная метафора в научных текстах тесно связана с ведущим способом восприятия данной категории – визуальным. Вероятно, с ним теснейшим образом ассоциируется сам процесс познания и понимания. Поэтому наука, отдельные дисциплины, направления и научные школы, а также представление об объектах научного описания осмысляются прежде всего через пространственные метафоры: *...иерархическому описа-*

нию поддаются не все области лексикона... круг языка... На рубеже двух направлений науки...

Выше мы уже говорили о том, что основной способ восприятия в науке – визуальный. Любая научная работа изобилует метафорическими выражениями **Видимо... Рассмотрим... Как можно видеть... Анализ показывает... Очевидно, что... и т.п. А также: *... в одной из новых книг, рассматривающей главным образом сложные и запутанные проблемы детской афазии... в данной работе рассматривается...* и т.п.**

Из понимания науки как отдельного пространства совершенно естественно вытекают и наиболее частотные способы действия в нем – в первую очередь это, конечно, движение. При перемещении в рамках этого пространства в фокус метафоры попадают не все аспекты, а те, что связаны с достижением цели или, напротив, с удалением от нее: **Специалист, исследующий приемы коммуникации, приближается к сути**... Субъектом движения выступает сам ученый: **Мы далеко продвинулись в наших исследованиях...** В определенных случаях он инициирует движение объектов в рамках этого пространства: **Мы провели ряд экспериментов... он (Фердинанд де Соссюр) опять-таки свет задачу изучения...** либо сам выступает в роли такого объекта: **Наблюдения подводят нас к неоспоримым выводам... Разбор каждой очередной гипотезы ведется...** Данный способ движения зачастую актуализируется в рамках целостного фрейма «путь»: *...Теперь формалисты в истории литературы встали, наконец, на путь изучения внутрилитературных законов...*

Еще один естественный для науки способ действия – деконструирование и конструирование. Процесс анализа тесно связан с деконструкцией объекта: **Разбор каждой очередной гипотезы... Я не стану разбирать всех ошибок и заблуждений...** и т.п. С другой стороны, создание новых концепций, теорий, методик понимается как конструирование, строение: *...на нем основывается процесс мышления вообще... первое мое восприятие, ставши рядом с последующими, составит с ними одно целое... в составляемом мною общем образе картины.*

Безусловно, приведенные нами модели не исчерпывают всего многообразия общенаучных метафор, но являются наиболее частотными и общими для большей части научных текстов.

Кроме общенаучной специализации ряда языковых метафорических моделей существует еще и *частнонаучная* специализация, при которой определенные метафорические модели избираются для представления объекта исследования в отдельной научной дисциплине. Мы рассматриваем данные модели в рамках лингвистического дискурса.

Выше уже было указано, что метафорическое моделирование лингвистического дискурса не раз становилось объектом научного описания. В работе Ю.С. Степанова «Изменчивый «образ языка» в науке XX века» [10] представлен ретроспективный ряд научных «образов языка»: язык – «член семьи языков», «система и структура», «тип и характер», «дом духа» и др. А.Д. Плисецкая отмечает следующее: «...на протяжении XX в. в русскоязычном лингвистическом дискурсе можно было наблюдать многообразные базовые мета-

форы языка: ЯЗЫК ЕСТЬ ОБЪЕКТ, ЯЗЫК ЕСТЬ МЕХАНИЗМ, ЯЗЫК ЕСТЬ ПРОДУКТ, ЯЗЫК ЕСТЬ ИГРА, ЯЗЫК ЕСТЬ ДЕЛО, ЯЗЫК ЕСТЬ ПОЛЕ, ЯЗЫК ЕСТЬ ЗАМКНУТОЕ ЦЕЛОЕ, ЯЗЫК ЕСТЬ КОНСТРУКТИВНОЕ ЕДИНСТВО, ЯЗЫК ЕСТЬ КАРТИНА, ЯЗЫК ЕСТЬ ПРОЦЕСС, ЯЗЫК ЕСТЬ ЖИВАЯ СИСТЕМА, ЯЗЫК ЕСТЬ ДИНАМИЧНАЯ СТРУКТУРА, ЯЗЫК ЕСТЬ ТЕКУЧИЙ КОНГЛОМЕРАТ, ЯЗЫК ЕСТЬ ТКАНЬ, ЯЗЫК ЕСТЬ ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЯЗЫК ЕСТЬ ОТКРЫТАЯ СРЕДА, ЯЗЫК ЕСТЬ НЕПРЕРЫВНЫЙ ПОТОК» [11]. А.Д. Плисецкая проводит сопоставительный анализ концептуальных метафор в текстах монографий А.М. Пешковского и В.В. Виноградова и обнаруживает частичное совпадение, что позволяет сделать вывод о глубинном сходстве в мышлении двух полемизирующих исследователей. Кроме того, исследователь отмечает, что несмотря на влияние структурализма со свойственной для данного направления геометрической и алгебраической метафорой, для русской традиции свойственно понимание языка как живой динамичной структуры, и это, в свою очередь, подготовило смену парадигмальной модели и формирование новой коммуникативной и когнитивной лингвистических парадигм. Автор убедительно доказывает это путем рассмотрения системы метафорических моделей, представленных в работах Б.М. Гаспарова.

Анализ текстов русского лингвиста XIX в. А.А. Потебни показывает, что метафорические модели, упоминаемые в исследовании А.Д. Плисецкой, активно используются в работе хронологически более ранней, а это указывает на их более универсальный характер.

В числе таких значимых метафор можно назвать следующие: онтологическая языковая метафора *живое существо* служит основой для представления языка как существа, обладающего жизненным циклом (биографией, историей), пребывающего в цепочке жизненных циклов (предки – потомки) и совершающего определенные действия: *...вопрос об условиях зарождения языка...; Если б не препятствия со стороны языка...*

Онтологическая метафора *вместилища* выступает основой для понимания единиц языка как единства формы (*объект*) и содержания (*вещество*). С ней связана структурная метафора *вербальная коммуникация – передача*. Для работы А.А. Потебни подобное представление особенно значимо, т.к. исследователь рассматривает соотношение содержательных и формальных параметров языковых выражений. Метафорическая модель *вместилища* столь же тесно связана и с метафорой *конструкции*, где язык представляется как конструктивный объект, иерархическая структура: *Нетрудно вывести из разбора слов какого бы ни было языка, что слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак.*

В тексте А.А. Потебни нами выявлена еще одна значимая для понимания языка метафорическая модель, однако, мы полагаем, что она имеет значительно более долгую историю. Это метафора *«речь – ткань (нить)»*, представляющая слово как часть ткани, волокна речи (*связная речь*), которое может быть оторванным от нее: *Дитя сначала говорит только отрывистыми словами...*

Различные метафорические модели, используемые автором при создании лингвистического текста, как правило, формируют целостную *внутритекстовую метафорическую систему*, способствующую реализации основной идеи текста. В тексте статьи С.О. Карцевского «Асимметричный дуализм языкового знака», где посредством использования целого спектра метафор различного рода реализуется представление о парной асимметрии. Первая же пространственная метафора представляет знак и значение как два объекта разного размера или формы: *Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках...* Поле подобных метафор в тексте очень широко, таким образом осмысляются стороны языкового знака, взаимодействующие друг с другом как физические объекты в пространстве. Разница в их «поведении» маркируется посредством использования метафорических объектов «активного» и «пассивного» типов: *Формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами... грамматические значимости более устойчивые... Сдвиг, смещение грамматического знака либо по омонимической, либо по синонимической линии можно если не предвидеть, то по крайней мере зафиксировать. Но невозможно предвидеть, куда повлекут знак семантические сдвиги, смещения.* Таким образом, формальная сторона знака носит более устойчивый характер, нежели семантическая, более пластичная и пассивная.

Кроме пространственного расположения абстрактных объектов, может моделироваться и их динамика на основе использования метафорических вариантов глаголов движения: *Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности»*. Тип движения, репрезентируемый данным глаголом, предполагает контакт между жестким объектом и твердой поверхностью; из-за отсутствия трения либо не строго горизонтального расположения плоскости объект перемещается вдоль нее, меняя свое местоположение. Подобная метафора позволяет передать характер соотношения между двумя сторонами знака: они не являются жестко закрепленными и трансформируются вследствие функционирования в той самой «реальности».

Итоговая метафора, онтологическая метафора персонификации, на основе которой моделируются различные структурные метафоры, связанные с поведением и действиями живых существ, человека, репрезентирует знак как одушевленное существо, отвечающее в процессе коммуникации другому одушевленному существу действием. Перед нами предстает ситуация неразрешимого конфликта между людьми, т.к. у обеих сторон существуют собственные цели и партнерство их вынужденное: *Каждое (обозначающее и обозначаемое) «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак...*

Ранее мы уже говорили о принципиальном свойстве дискурса – его диалогической, коммуникативной природе. Диалогичность проявляется и на уровне метафор

рического моделирования в виде привлечения в качестве опорной (принимаемой или отвергаемой) метафорической модели из другого текста. В качестве примера может выступить развитие метафоры В. фон Гумбольдта: «*Язык есть орган, образующий мысль*» в работе «Мысль и язык» А.А. Потебни.

Автор разворачивает данную метафору в ряде детализирующих образов, связанных с работой слова как особого инструмента языка. Слово в этом случае выступает как действующий субъект, который совершает деструктивные действия по отношению к образам действительности, разрушая их целостность. Слово *раздробляет* и *разлагает* образы на отдельные признаки, создавая при этом абстрактные понятия. При этом автор проследживает эволюцию языка, говоря о том, что междометные единицы представляют собой еще примитивное орудие, т.к. всего лишь выражают чувственное впечатление человека. Полноценное же слово является более совершенным инструментом: *образ... уясняется только по мере того, как мы раздробляем его, превращая посредством слова в суждения, совокупность коих составляет понятие.*

Затем автор обращается к устройству этого инструмента, выясняя причину его эффективности. Именно здесь актуализируется еще одна метафора, представленная в работе В. фон Гумбольдта: *внутренняя форма языка*, которую А.А. Потебня преобразует во *внутреннюю форму слова*. Это понятие представляет собой структурную метафорическую модель, базирующуюся на онтологической модели «слово – физический объект», но автор уточняет, что это объект-вместилище, обладающий внешней (звуковой) и внутренней (семантической) поверхностью: *Внешняя форма нераздельна с внутренней, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собою, но, тем не менее, совершенно от нее отлична.* Образы действительности, а затем и мысли уподобляются веществу, часть которого попадает в границы внутренней формы: *...слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак...* А затем: *внутренняя форма каждого из этих слов иначе направляет мысль...*

Таким образом, процессы семантизации и объективации восприятия уподобляются процессам формовки – созданию предметов из вещества посредством использования специальных форм. Придание этой формы – результат работы над пониманием действительности многих поколений людей, и поэтому каждый человек имеет возможность воспользоваться уже предварительно обработанным материалом: *В слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого...* Однако именно здесь автор трансформирует данную модель, указывая, что формы не являются чем-то жестким и *Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова.* Таким образом, на основе избранной метафорической модели автор выстраивает собственную концепцию.

Однако в лингвистическом тексте могут фигурировать и другие модели, которые автор не принимает, а

напротив, пытается опровергнуть тем же путем метафорической детализации. В этой же работе А.А. Потебни представлено несколько вариантов такого парадигмального отталкивания. В качестве отвергаемых автор приводит три теории, базирующиеся на иных парадигмальных метафорах².

Моделирование на парадигмальном уровне протекает как научный диалог в рамках дискурса, поэтому данный уровень может быть назван еще и *внутридискурсивным*. Наряду с внутридискурсивными моделями можно говорить о *междискурсивном взаимодействии* как между дискурсами отдельных наук, выраженном в активном заимствовании понятийных и терминологических систем, так и между ненаучными типами дискурсов.

Внутринаучное метафорическое взаимодействие прежде всего происходит между близкими научными областями. Такова, например, история функционирования некоторых метафорических терминов гуманитарной сферы: *картина мира, пропозиция, референция, дискурс*, играющих значительную роль в современной философии, лингвистике, литературоведении, культурологии и т.п. Однако терминологический обмен возможен и между более далекими научными областями. Анализ лингвистических текстов подтверждает, что уже в текстах лингвистов XIX в. активно используются термины других наук, при этом нередко происходит их семантическая трансформация и даже детерминологизация: *...генетическое направление считает язык суммой действительных явлений, суммой действительных фактов...* (И.А. Бодуэн де Куртене).

Специфика интертекстуальности метафорических терминологических моделей состоит еще и в том, что такая модель может быть привлечена без очевидного указания на источник. Рассмотрим модель, связанный с концептом «ценность», заимствованный из экономики и получающим различное преломление в трудах лингвистов в зависимости от их видения основного объекта описания. В работе А.А. Потебни «Мысль и язык» в описании процесса образования понятийного значения слова из образа встречаем следующую метафору: *...значение слова для душевной жизни может быть сравнено с важностью буквенного обозначения численных величин в математике или со значением различных средств, заменяющих непосредственно ценные предметы (например, денег, векселей) для торговли.* В данном контексте актуализируется аспект, связанный с тем, что ценность экономического объекта немотивирована его внешним видом. Потебня заостряет условность языкового знака, утрату связи между внешней, внутренней формой и понятийным значением.

Подобную модель встречаем у Ф. де Соссюра при объяснении понятия значимости элемента системы: *Так, для того чтобы определить, какова ценность монеты в 5 франков, нужно знать: 1) что ее можно обменять на определенное количество чего-то другого, например хлеба, и 2) что ее можно сравнить с подобной ей монетой той же системы, например с монетой в один франк, или же с монетой другой системы, например с фунтом стерлингов и т.д. Подобным образом и слову может быть поставлено в соответствие нечто не похожее на него, например понятие, а с другой стороны, оно может быть сопоставлено с*

чем-то ему однородным, а именно с другими словами. Таким образом, для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить. Соссюр разворачивает метафорическую модель: с одной стороны, слово соотносится с понятием, как монета – с количеством хлеба, с другой – слово соотносится с другими словами так же, как монета соотносится с другими монетами, имеющими другой номинал. В данном случае используется тот же образ, но актуализируется не условность связи денежной единицы с тем, что на нее можно купить, а зависимость ее от других подобных объектов.

С.К. Шаумян («Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков») трансформирует метафору товара: *Мысль не существует в чистом виде, а всегда заключена в языковую оболочку, точно так же как стоимость не существует в чистом виде, а всегда заключена в товарную оболочку. Подобно тому как стоимость данного товара обнаруживается только в его соотношении с другими товарами, эквивалентными ему по стоимости, точно так же и мысль, заключенная в данном предложении, обнаруживается только в соотношении данного предложения с другими предложениями, эквивалентными ему по заключенной в нем мысли. Подобно тому как эквивалентность товаров определяется по возможности обменивать их друг на друга, точно так же эквивалентность предложений определяется по возможности заменять одно предложение другим в данной ситуации. Всякий товар может быть принят за эталон стоимости... остальные же товары рассматриваются как воплощение стоимости. Точно так же в данном классе предложений, любое из этих предложений может быть принято за эталон мысли... остальные же предложения должны в этом случае рассматриваться как лингвистическая форма выражения мысли. ...Нашу аналогию понятия мысли с понятием стоимости можно продолжить. Подобно тому как всеобщей мерой стоимости служат деньги, точно так же должна существовать всеобщая мера смысла. Разумно предположить, что для каждого языка всеобщей мерой смысла должны служить наиболее простые в грамматическом отношении предложения.*

В данном случае перед нами новая интерпретация экономической метафоры. Во всех приведенных трактовках отражаются точки зрения лингвистов на объект описания. Для А.А. Потебни важно объяснить, почему значимое для него понятие внутренней формы слова нивелируется во многих языковых единицах. Ф. де Соссюр акцентирует внимание на системном статусе языкового знака, на его зависимости от других знаков. Для С.К. Шаумяна оказывается важным поиск формальных моделей в языке, он актуализирует другой аспект метафоры: «Деньги – эталон стоимости».

Можно, пожалуй, говорить о том, что для лингвистических текстов XX в. характерно усиление междисциплинарности, взаимодействия с другими науками, т.к. лингвистика ищет новые модели описания языка. В

качестве примера можно привести одну из распространенных метафор психолингвистики: «язык – это механизм», выступающую основой для построения концепции в работе А.А. Залевской «Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование».

А.А. Залевская рассматривает ряд метафор для представления организации лексикона и обосновывает свой выбор опорной модели «механизма», а затем развивает ее, описывая детали устройства и функционирования этого механизма.

Вот те метафорические модели, от которых отталкивается автор в развитии своей концепции: *...лексическая память выглядит как: 1) хранилище реакций – слов и клише, упорядоченных на основании экологической смежности; 2) перечень ассоциативных пар – ассоциаций между референтами и их именами...; 3) картинная галерея мысленных образов, сопровождаемых ассоциируемыми с ними именами и организованных по принципу сходства представлений; 4) таксономическое дерево с определенным местом для каждого слова; 5) детальный каталог с пересекающимися отсылками, содержащий абстрактные семантические...; 6) часть устройства для порождения предложений...*

В приведенных контекстах лексическая память осмысливается посредством онтологических метафор «вместилище» (хранилище), «объект», структурных метафор «пара», «связь», «перечень», «картина» и «картинная галерея», «дерево», «каталог». Однако опорной для автора становится метафора, приведенная в перечне последней: «устройство для порождения предложений», формирующаяся в рамках генеративной лингвистики. Но автор трансформирует ее, т.к. в данном случае контраминируются две метафорические модели, противоположные по своим архетипическим основаниям: с одной стороны, «устройство» является механизмом, но с другой – отглагольное существительное «порождение», используемое в данной метафоре, отсылает к субъекту «живое существо». Таким образом, предложения – живые существа – рождены, но рождены механизмом. Именно поэтому А.А. Залевская уточняет используемую ею метафорическую модель, заменяя термин «порождение» термином «производство»: *Излагая представления о характере и последовательности основных этапов процесса речепроизводства... мы будем... говорить не о порождении, а о производстве речи* индивидом.

Далее в тексте избранная в качестве ключевой модель становится регулярной и доминирующей, концептуально организуя представление о функционировании лексикона человека: *В частности, мы попытаемся установить, как структура процесса производства речи определяет структуру лексического компонента речевой организации человека; При установлении основных этапов процесса производства речи мы будем прежде всего опираться на исследования... объясняющие механизмы формирования универсальной структуры поведенческого акта и механизмы умственной деятельности человека...; Попытка отобразить ход речемыслительного процесса, для развития которого отправным пунктом служит некоторый «пусковой момент»...*

Механистическая метафора, организующая понимание многих гуманитарных объектов в науке XX в., связана с технологическим прогрессом. Мы полагаем, что влияние его трудно переоценить, и очередные технологические прорывы неизбежно оказывают воздействие как на развитие всей сферы науки, переосмысление традиционных объектов научного изучения, так и на миропонимание в целом.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Научный дискурс как целостное коммуникативно-когнитивное пространство моделируется посредством использования различных лингвокогнитивных моделей. Одной из наиболее частотных и базовых моделей выступает метафора – ведущий гносеологический механизм. Метафорическое моделирование осуществляется на разных уровнях. На уровне отдельного текста мы можем говорить об использовании общенаучных, частнонаучных и внутритекстовых метафор. На уровне

научной парадигмы метафорическая модель выходит за пределы отдельного текста и функционирует в качестве опорной или отвергаемой при выстраивании новой концепции, формируя внутридискурсивное метафорическое пространство. Но кроме внутридискурсивных связей на уровне метафорических моделей происходит междискурсивное взаимодействие как в рамках научной сферы, так и за ее пределами (активное функционирование механистической метафоры).

Использование метафорических моделей позволяет говорить о более глубоком междискурсивном взаимодействии, включающем, с одной стороны, осознание четкой дифференциации дискурсивных областей, с другой – осознание синтетичности мира как внешнего, так и внутреннего, единства мира в его многообразии. Именно поэтому для понимания языка, языкового взаимодействия привлекаются такие разнообразные и подчас парадоксальные модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье используется типология метафорических моделей, представленная в работе [8].

² Подробнее об этом см. Мишанкина Н.А. Метафорическая модель как маркер интертекстуальности в научном тексте // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2008. № 1. С. 18–28.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
2. Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
3. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006.
4. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
5. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
6. Резанова З.И. и др. Метафора в процессах языкового миромоделирования // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / Под ред. З.И. Резановой. Воронеж: ВГУ – МИОН, 2003. Ч. 1.
7. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–44.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.
10. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 7–34.
11. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г. Режим доступа: <http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.html>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 мая 2009 г.